

1828–1910

«Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором: даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются... Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения».

А. П. Чехов

классика
В
кармане

классика в кармане

Л. Н. ТОЛСТОЙ

классика
в кармане

Крейцера соната

Смерть Ивана Ильича ♦ Дьявол ♦ Отец Сергей

Л. Н. ТОЛСТОЙ

классика
в кармане

«Думал о “Крейцеровой сонате”. Блудник есть не ругательство, но состояние... состояние беспокойства, любопытства и потребности новизны... удовольствие от общения не с одной, а с многими. Как пьяница. Можно воздерживаться, но пьяница — это пьяница и блудник — это блудник; при первом послаблении — падет. Я блудник».

Л. Н. Толстой

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Крейцера соната. Повести

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Крейцера соната

Смерть Ивана Ильича ♦ Дьявол ♦ Отец Сергей

*классика
в кармане*

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Крейцерова соната

Смерть Ивана Ильича ♦ Дьявол ♦ Отец Сергей

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Т53

Проект Д. Е. Веселова

Печатается по изданию:

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. — М.: Художественная литература, 1982. — Т. 12. Повести и рассказы 1885–1902 гг.

Вступительная статья и комментарии *И. Н. Сухих*

В оформлении обложки использованы фрагменты картин

Клода Моне «Дама с зонтиком»,
И. Е. Репина «Лев Толстой босиком»

Иллюстрации К. В. Лебедева

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич
Крейцера соната. Смерть Ивана Ильича
Дьявол. Отец Сергей

Дизайнеры обложки *Т. М. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залпаева*

Подписано в печать 20.08.2012. Формат 76x100/32.

Усл. печ. л. 12,66. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© И. Н. Сухих, вступительная
статья, комментарии, 2012

© Nemiro Ltd, 2012

© ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2012

© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)

ISBN 978-5-88353-489-7 (БММ)

ISBN 978-966-14-4248-0 (КСД)

«Каждая несчастливая семья...»

Поздняя проза Толстого

«Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем. Да что счастье — глупое слово; не счастье, а хорошо; а бесчестная тревога, основанная на любви к себе, — это — несчастье <...> Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять бросать; и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость», — напишет Лев Толстой тетке, близкому человеку и многолетнему корреспонденту (А. А. Толстой, 18–20 октября 1857 г.). Через два года появится «Семейное счастье» (1859), кажется, самая идиллическая, самая гармоничная вещь писателя.

Она строится как повесть-теорема, повесть-эксперимент, программное изображение счастливой семьи (она экспериментальна и в эстетическом смысле: это, кажется, единственный у Толстого случай повествования от лица женщины). Обычный для романа любовный треугольник здесь превращается в прямую линию. Герой и героиня существуют в разреженном, мягком податливом мире. Между ними убраны все социальные, психологические, материальные и моральные преграды. Они одиноки, состоятельны, имеют общие ценности и даже живут по соседству. Разница в возрасте (Сергей Михайлович дружил с умершим отцом героини) лишь подчеркивает их предназначенность друг для друга. Их голоса и души звучат в унисон, недаром музыка сопровождает развитие этого романа.

«Он говорил, что в жизни есть только одно несомненное счастье — жить для другого. Мне тогда это странно казалось, я не понимала этого; но это убеждение, *помимо мысли* (здесь и далее в цитатах выделено мной — И. С.), уже приходило мне в сердце. Он открыл мне целую жизнь радостей в настоящем, не изменив ничего в моей жизни, ничего не прибавив, кроме себя, к каждому впечатлению».

Проходит совсем немного времени, и убеждение — помимо мысли — усваивается самой рассказчицей. «Я чувствовала себя теперь равной ему и, с высоты духовного настроения, в котором находилась, совершенно понимала его... Только теперь я понимала, почему

он говорил, что счастье только в том, чтобы жить для другого, и я теперь совершенно была согласна с ним. Мне казалось, что мы вдвоем будем так бесконечно и спокойно счастливы».

Подробности этого романа — музыка, соловьи, подслушанный любовный лепет, решающее объяснение — старомодно-сентиментальны, едва ли не приторны, не по-толстовски бесплотны.

Традиционной свадьбой (не даются подлые концы, герой либо женится, либо застрелится — шутил Чехов) кончается лишь первая часть «записок Анны» (так называлась повесть в толстовском дневнике). «Но тут же сердце вдруг забилося сильнее, рука задрожала, и сжала его руку, мне стало жарко, глаза в полутьме искали его взгляда, и я вдруг почувствовала, что не боюсь его, что страх этот — любовь новая и еще нежнейшая и сильнейшая любовь, чем прежде. Я почувствовала, что я вся его и что я счастлива его властью надо мною».

Самое сложное и трудное начинается после свадьбы. Оказывается, что жене больше нравятся Петербург и светская жизнь, а мужу — деревня и сельские заботы. На этой почве возникают недоразумения и ссоры. Потом, за границей, героиня совершает не измену, а лишь тень измены, допуская (пропуская!) поцелуй мерзкого маркиза. Но подлинный источник конфликта любящих лежит глубже психологических размолвок и бытовых привычек.

Даже родство душ не предполагает абсолютной тождественности. Поэтому любой, самый идеальный, семейный союз потенциально конфликтен. «Между нами чувствовались уже известные условия приличия. Мы жили каждый порознь. Он с своими занятиями, в которых мне не нужно было и не хотелось теперь участвовать, я с своею праздностию, которая не оскорбляла и не печалила его, как прежде».

С другой стороны, конфликт питается извечным несоответствием желаемого и действительного. «Сбылось все то, чего я едва смела надеяться. Неясные, сливающиеся мечты стали действительностию; а действительность стала тяжелою, трудною и безрадостною жизнью».

В конце повести герои снова добираются до тихой пристани, ощущают «начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни». Но этот финал — при всей его гармонии и благостности — открытый, предсказывающий как сюжеты будущих произведений, так и сюжет ближайших лет толстовской жизни.

Счастье — не состояние, а процесс. Даже если оно достигается и осознается, оно длится и, следовательно, кончается. Ему угрожает слишком много опасностей даже в дистиллированном мире этой повести.

«Да что счастье — глупое слово...»

Через три года после публикации «Семейного счастья» Толстой совершает давно планируемый шаг. После долгих поисков

тридцатичетырехлетний сельский хозяин, полузабытый писатель (последние его вещи не вызвали критического и читательского энтузиазма) женится на дочери московского врача Софье Андреевне Берс (избраннице всего восемнадцать лет). Некоторые подробности их романа отразятся в истории Лёвина и Кити в «Анне Карениной».

Жизнь в родной Ясной Поляне приобретает новый смысл. «Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос жены, которая говорит с братом и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть так счастливым» (А. А. Толстой, 28 сентября 1862 г.).

«Счастье семейное поглощает меня всего...» — отмечено в дневнике (5 января 1863 г.).

Этого запаса семейного счастья хватило на полтора десятилетия, за которые были написаны два главных, два великих романа — «Война и мир» (1863 — 1869: семь лет непрерывного и исключительно-го труда «при наилучших условиях жизни») и «Анна Каренина» (1873–1877), окончание которой стало уже жизненной драмой.

«Сюжет романа — неверная жена и вся драма, происшедшая от этого», — зафиксировала верная жена начало работы (С. А. Толстая. Дневник, 20 марта 1873 г.). Она же сохранила позднейшее толстовское высказывание о «мысли семейной» как главной в этом драматическом романе о современности, пришедшем на смену роману историческому и героическому (Дневник, 3 марта 1877 г.).

Однако «Анна Каренина», подобно пушкинскому «Евгению Онегину», значительно изменилась по дороге. Неверную жену в сюжете потеснил еще один автопсихологический персонаж — Константин Лёвин (его фамилия образована от толстовского имени, которое в домашнем кругу произносили как Лёв). Семейные проблемы обросли вопросами экономическими и политическими. Твердая почва под ногами («Все хорошо, что хорошо кончается» — одно из промежуточных названий «Войны и мира») заколебалась и поплыла.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Первая фраза «Анны Карениной» оказывается одновременно ее вторым, внутренним, эпиграфом. По-настоящему счастливых семей в романе нет. Трагическая бесконтрольная страсть приводит Анну Каренину к уходу от мужа и самоубийству. Житейски несчастно семейство Облонских, где муж постоянно изменяет жене. Счастье Кити и Лёвина в финале романа выглядит горькой иронией: герой прячет от себя шнурки, чтобы не повеситься от ощущения бессмысленности собственной жизни.

Эта деталь прямо переходит в роман из толстовской биографии. В конце семидесятых годов Толстой переживает уже не очередной кризис, а *духовную катастрофу*, лишь первоначальная стенограмма которой дана в «Анне Карениной».

В «Исповеди» (1879–1882) всемирно признанный писатель, отец огромного семейства, благополучный, состоятельный, здоровый, — ставит подробный диагноз собственной болезни и ищет выход.

«Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодееяния всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал, и за всё это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком».

«С отвращением читая жизнь свою», Толстой снова и снова задает вопрос, который мучительно волновал его всю сознательную жизнь. «Вопрос мой — тот, который в пятьдесят лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, — тот вопрос, без которого жизнь невозможна, как я и испытал это на деле. Вопрос состоит в том: “Что выйдет из того, что делаю нынче, что буду делать завтра, — что выйдет из всей моей жизни?” Иначе выраженный, вопрос будет такой: “Зачем же мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?” Ещё иначе выразить вопрос можно так: “Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?”»

В свете неизбежного конца встает вопрос о смысле жизни. Разум и вся мировая философия бессильны дать на него ответ. Выход из тупика дает только вера, но не та искаженная, формальная *вера* образованных людей, «паразитов жизни», а вера «простого трудового народа».

«Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни. Смысл этот, если можно его выразить, был следующий. Всякий человек произшел на этот свет по воле Бога. И Бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти ее. Задача человека в жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым».

Ленин не случайно когда-то назвал Толстого «подлинным мужиком». Действительно, в поздние десятилетия он стремился разрешить противоречия современной цивилизации путем возвращения в прошлое, к «истинной религии», которую проповедовал Иисус Христос, а позднее узурпировали и исказили его последователи и официальная церковь.

Учение Христа, считает Толстой, «слагалось из тех вечных истин о жизни человеческой, смутно предчувствуемых всеми людьми и более или менее ясно высказанных всеми великими учителями

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

I

В большом здании судебных учреждений во время перерыва заседания по делу Мельвинских члены и прокурор сошлись в кабинете Ивана Егоровича Шебек, и зашел разговор о знаменитом красовском деле. Федор Васильевич разгорячился, доказывая неподсудность, Иван Егорович стоял на своем, Петр же Иванович, не вступив сначала в спор, не принимал в нем участия и просматривал только что поданные «Ведомости».

— Господа! — сказал он, — Иван Ильич-то умер.

— Неужели?

— Вот, читайте, — сказал он Федору Васильевичу, подавая ему свежий, пахучий еще номер.

В черном ободке было напечатано: «Прасковья Федоровна Головина с душевным прискорбием извещает родных и знакомых о кончине возлюбленного супруга своего, члена Судебной палаты, Ивана Ильича Головина, последовавшей 4-го февраля сего 1882 года. Вынос тела в пятницу, в 1 час пополудни».

Иван Ильич был сотоварищ собравшихся господ, и все любили его. Он болел уже несколько недель; говорили, что болезнь его неизлечима. Место оставалось за ним, но было соображение о том, что в случае его смерти Алексеев может быть назначен на его место, на место же Алексеева — или Винников, или Штабель. Так что, услышав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете, была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых.

«Теперь, наверно, получу место Штабеля или Винникова, — подумал Федор Васильевич. — Мне это и давно

обещано, а это повышение составляет для меня восемьсот рублей прибавки, кроме канцелярии».

«Надо будет попросить теперь о переводе шурина из Калуги, — подумал Петр Иванович. — Жена будет очень рада. Теперь уж нельзя будет говорить, что я никогда ничего не сделал для ее родных».

— Я так и думал, что ему не подняться, — вслух сказал Петр Иванович. — Жалко.

— Да что у него, собственно, было?

— Доктора не могли определить. То есть определяли, но различно. Когда я видел его последний раз, мне казалось, что он поправится.

— А я так и не был у него с самых праздников. Все собирался.

— Что, у него было состояние?

— Кажется, что-то очень небольшое у жены. Но что-то ничтожное.

— Да, надо будет поехать. Ужасно далеко жили они.

— То есть от вас далеко. От вас всё далеко.

— Вот не может мне простить, что я живу за рекой, — улыбаясь на Шебека, сказал Петр Иванович. И заговорили о дальности городских расстояний, и пошли в заседание.

Кроме вызванных этой смертью в каждом соображении о перемещениях и возможных изменениях по службе, могущих последовать от этой смерти, самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я.

«Каково, умер; а я вот нет», — подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования.

Ближе всех были Федор Васильевич и Петр Иванович.

Петр Иванович был товарищем по училищу правоведения и считал себя обязанным Иваном Ильичом.

Передав за обедом жене известие о смерти Ивана Ильича и соображения о возможности перевода шурина в их округ, Петр Иванович, не ложась отдыхать, надел фрак и поехал к Ивану Ильичу.

У подъезда квартиры Ивана Ильича стояла карета и два извозчика. Внизу, в передней у вешалки прислоненная была к стене глазетовая крышка гроба с кисточками и начищенным порошком галуном. Две дамы в черном снимали шубки. Одна, сестра Ивана Ильича, знакомая, другая — незнакомая дама. Товарищ Петра Ивановича, Шварц, сходил сверху и, с верхней ступени увидав входившего, остановился и подмигнул ему, как бы говоря: «Глупо распорядился Иван Ильич; то ли дело мы с вами».

Лицо Шварца с английскими бакенбардами и вся худая фигура во фраке имела, как всегда, изящную торжественность, и эта торжественность, всегда противоречащая характеру игривости Шварца, здесь имела особенную соль. Так подумал Петр Иванович.

Петр Иванович пропустил вперед себя дам и медленно пошел за ними на лестницу. Шварц не стал сходить, а остановился наверху. Петр Иванович понял зачем: он, очевидно, хотел сговориться, где повинтить нынче. Дамы прошли на лестницу к вдове, а Шварц, с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом, движением бровей показал Петру Ивановичу направо, в комнату мертвеца.

Петр Иванович вошел, как всегда это бывает, с недоумением о том, что ему там надо будет делать. Одно он знал, что креститься в этих случаях никогда не мешает. Насчет того, что нужно ли при этом и кланяться, он не совсем был уверен и потому выбрал среднее: войдя в комнату, он стал креститься и немножко как будто кланяться. Насколько ему позволяли движения рук и головы, он вместе с тем оглядывал комнату. Два молодые человека, один гимназист, кажется, племянники, крестясь, выходили из комнаты. Старушка стояла неподвижно. И дама с странно поднятыми бровями что-то

ей говорила шепотом. Дьячок в сюртуке, бодрый, решительный, читал что-то громко с выражением, исключаящим всякое противоречие; буфетный мужик Герасим, пройдя перед Петром Ивановичем легкими шагами, что-то посыпал по полу. Увидав это, Петр Иванович тотчас же почувствовал легкий запах разлагающегося трупа. В последнее свое посещение Ивана Ильича Петр Иванович видел этого мужика в кабинете; он исполнял должность сиделки, и Иван Ильич особенно любил его. Петр Иванович все крестился и слегка кланялся по срединному направлению между гробом, дьячком и образами на столе в углу. Потом, когда это движение крещения рукою показалось ему уже слишком продолжительно, он приостановился и стал разглядывать мертвеца.

Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки, утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшеюся головой на подушке, и выставлял, как всегда выставляют мертвецы, свой желтый восковой лоб с взлизями на ввалившихся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу. Он очень переменялся, еще похудел с тех пор, как Петр Иванович не видал его, но, как у всех мертвецов, лицо его было красивее, главное — значительнее, чем оно было у живого. На лице было выражение того, что то, что нужно было сделать, сделано, и сделано правильно. Кроме того, в этом выражении был еще упрек или напоминание живым. Напоминание это показалось Петру Ивановичу неуместным или, по крайней мере, до него не касающимся. Что-то ему стало неприятно, и потому Петр Иванович еще раз поспешно перекрестился и, как ему показалось, слишком поспешно, несообразно с приличиями, повернулся и пошел к двери. Шварц ждал его в проходной комнате, расставив широко ноги и играя обеими руками за спиной своим цилиндром. Один взгляд на игривую, чистоплотную и элегантную фигуру Шварца освежил Петра Ивановича. Петр Иванович понял, что он, Шварц, стоит выше этого и не поддается удручающим впечатлениям. Один

вид его говорил: инцидент панихиды Ивана Ильича никак не может служить достаточным поводом для признания порядка заседания нарушенным, то есть что ничто не может помешать нынче же вечером шелконуть, распечатывая ее, колодой карт, в то время как лакей будет расставлять четыре необожженные свечи; вообще нет основания предполагать, чтобы инцидент этот мог помешать нам провести приятно и сегодняшний вечер. Он и сказал это шепотом проходившему Петру Ивановичу, предлагая соединиться на партию у Федора Васильевича. Но, видно, Петру Ивановичу была не судьба винтить нынче вечером. Прасковья Федоровна, невысокая, жирная женщина, несмотря на все старания устроить противное, все-таки расширявшаяся от плеч книзу, вся в черном, с покрытой кружевом головой и с такими же странно поднятыми бровями, как и та дама, стоявшая против гроба, вышла из своих покоев с другими дамами и, проводив их в дверь мертвеца, сказала:

— Сейчас будет панихида; пройдите.

Шварц, неопределенно поклонившись, остановился, очевидно, не принимая и не отклоняя этого предложения. Прасковья Федоровна, узнав Петра Ивановича, вздохнула, подошла к нему вплоть, взяла его за руку и сказала:

— Я знаю, что вы были истинным другом Ивана Ильича... — и посмотрела на него, ожидая от него соответствующие этим словам действия.

Петр Иванович знал, что как там надо было креститься, так здесь надо было пожать руку, вздохнуть и сказать: «Поверьте!» И он так и сделал. И, сделав это, почувствовал, что результат получился желаемый: что он тронут и она тронута.

— Пойдемте, пока там не началось; мне надо поговорить с вами, — сказала вдова. — Дайте мне руку.

Петр Иванович подал руку, и они направились во внутренние комнаты, мимо Шварца, который печально подмигнул Петру Ивановичу: «Вот те и винт! Уж не взыщите, другого партнера возьмем. Нешто впятером, когда отделаетесь», — сказал его игривый взгляд.

Петр Иванович вздохнул еще глубже и печальнее, и Прасковья Федоровна благодарно пожала ему руку. Войдя в ее обитую розовым кретоном гостиную с пасмурной лампой, они сели у стола: она на диван, а Петр Иванович на расстроившийся пружинами и неправильно подававшийся под его сиденьем низенький пуф. Прасковья Федоровна хотела предупредить его, чтобы он сел на другой стул, но нашла это предупреждение не соответствующим своему положению и раздумала. Садясь на этот пуф, Петр Иванович вспомнил, как Иван Ильич устраивал эту гостиную и советовался с ним об этом самом розовом с зелеными листьями кретоне. Садясь на диван и проходя мимо стола (вообще вся гостиная была полна вещей и мебели), вдова зацепилась черным кружевом черной мантильи за резьбу стола. Петр Иванович приподнялся, чтобы отцепить, и освобожденный под ним пуф стал волноваться и подталкивать его. Вдова сама стала отцеплять свое кружево, и Петр Иванович опять сел, придавив бунтовавший под ним пуф. Но вдова не все отцепила, и Петр Иванович опять поднялся, и опять пуф забунтовал и даже щелкнул. Когда все это кончилось, она вынула чистый батистовый платок и стала плакать. Петра же Ивановича охладил эпизод с кружевом и борьба с пуфом, и он сидел насупившись. Неловкое это положение перервал Соколов, буфетчик Ивана Ильича, с докладом о том, что место на кладбище то, которое назначила Прасковья Федоровна, будет стоить двести рублей. Она перестала плакать и, с видом жертвы взглянув на Петра Ивановича, сказала по-французски, что ей очень тяжело. Петр Иванович сделал молчаливый знак, выражавший несомненную уверенность в том, что это не может быть иначе.

— Курите, пожалуйста, — сказала она великодушным и вместе убитым голосом и занялась с Соколовым вопросом о цене места. Петр Иванович, закуривая, слышал, что она очень обстоятельно расспросила о разных ценах земли и определила ту, которую следует взять.

Кроме того, окончив о месте, она распорядилась и о певчих. Соколов ушел.

— Я все сама делаю, — сказала она Петру Ивановичу, отодвигая к одной стороне альбомы, лежавшие на столе; и, заметив, что пепел угрожал столу, не мешкая подвинула Петру Ивановичу пепельницу и проговорила: — Я нахожу притворством уверять, что я не могу от горя заниматься практическими делами. Меня, напротив, если может что не утешить... а развлечь, то это заботы о нем же. — Она опять достала платок, как бы собираясь плакать, и вдруг, как бы пересиливая себя, встряхнулась и стала говорить спокойно:

— Однако у меня дело есть к вам.

Петр Иванович поклонился, не давая расходиться пружинам пуфа, тотчас же зашевелившимся под ним.

— В последние дни он ужасно страдал.

— Очень страдал? — спросил Петр Иванович.

— Ах, ужасно! Последние не минуты, а часы он не переставая кричал. Трое суток сряду он, не переводя голоса, кричал. Это было невыносимо. Я не могу понять, как я вынесла это; за тремя дверьми слышно было. Ах! что я вынесла!

— И неужели он был в памяти? — спросил Петр Иванович.

— Да, — прошептала она, — до последней минуты. Он простился с нами за четверть часа до смерти и еще просил увести Володю.

Мысль о страдании человека, которого он знал так близко, сначала веселым мальчиком, школьником, потом взрослым партнером, несмотря на неприятное сознание притворства своего и этой женщины, вдруг ужаснула Петра Ивановича. Он увидел опять этот лоб, нажимавший на губу нос, и ему стало страшно за себя.

«Трое суток ужасных страданий и смерть. Ведь это сейчас, всякую минуту может наступить и для меня», — подумал он, и ему стало на мгновение страшно. Но тотчас же, он сам не знал как, ему на помощь пришла обычная мысль, что это случилось с Иваном Ильичом, а не

Его причислили к бродягам, судили и сослали в Сибирь.

Содержание

<i>И. Н. Сухих. «Каждая несчастливая семья...»</i>	3
Смерть Ивана Ильича	15
Крейцера соната	77
<i>Послесловие к «Крейцеровой сонате»</i>	161
Дьявол	178
Отец Сергей	229
<i>Комментарии</i>	284